

Была уже поздняя ночь, когда наши утомлённые собаки добрались наконец до стойбища Аканги. В этот короткий январский день, несмотря на пятидесятиградусный мороз, мы совершили переезд в сто километров и три раза перебирались с одной горной речки на другую, по крутым перевалам, уходившим далеко за пределы растительности.

На каждом подъёме нам приходилось спешиваться и вместе с собаками тащить вверх грузные нарты, обливаясь потом в своей тройной меховой одежде. На спусках было ещё хуже. Собаки, по своему обыкновению, приходили в чрезвычайное возбуждение и мчались как угорелые. Чтобы удержать их, нужно было изо всей силы тормозить с обеих сторон нарту тормозными палками, которые прыгали и хлопали на каждой неровности почвы, передавая очень чувствительные толчки державшим их рукам. На одном, крутом повороте тормоз, задев корень дерева, торчавший поперёк дороги, ударил моего спутника в шею с такой силой, что он выпустил из рук дугу нарты и отлетел в сторону, а я изорвал жёсткие камусные рукавицы и ободрал в кровь обе руки, пока мне удалось остановить мою бешеную свору. На другом спуске задняя нарта с разгона попала на дерево, сломала переднюю дугу и сильно ушибла собаку, запряжённую в корню. Нам следовало, впрочем, быть благодарными, что на всех этих подъёмах, спусках и поворотах дело обошлось для нас без более серьёзных ущербов.

По дороге мы три раза заезжали на чукотские стойбища, производя поверку сведений по переписи, добытых предварительно расспросным путём при разных случайных встречах, но несмотря на уговоры хозяев, нигде не согласились остаться ночевать. Я непременно хотел добраться в этот день до реки Лабугена, где рассчитывал на стойбище Аканги или где-нибудь по соседству встретить Коравию, Кутылина сына, бродячего торговца, который обещал, возвращаясь из поездки в русские посёлки на Колыме, привезти мне почту из Средне-Колымска, Якутска и других цивилизованных мест земного шара. Поэтому я заставлял усталые ноги наших собак безостановочно подвигаться вперёд, пока наконец искры, приветливо замелькавшие в чёрной глубине леса, не возвестили нам о желанном ночлеге.

Я поспешно соскочил с нарты и направился ко входу в шатёр. Моя внутренняя одежда, несколько раз промокшая от пота, заставила меня озябнуть, несмотря на плотную меховую парку и двойные сапоги. Спутники мои в своих вытертых кухлянках озябли ещё больше меня, и я хотел поторопить хозяев приготовлением горячего чая, пока ямщики будут управляться с привязыванием собак и установкой нарт.

-- Го-го! -- крикнул я, приподнимая край входной полы, завязанной изнутри, и ожидая обычного приветствия и приглашения войти.

Меня постигло, однако, неожиданное разочарование.

-- Кто там? -- раздался изнутри женский голос, в котором я узнал голос Аканги, хозяйки стойбища.

-- Веип, пишущий человек с реки Росомашей, на возвращении домой!

-- Не входите! -- решительным тоном сказал голос изнутри. -- Идите в другое место.

Я остановился в недоумении. С Акангой я был знаком раньше, и никаких напряжённых отношений между нами не было, и она не имела повода запрещать мне доступ к своему огню, который продолжал так приветливо потрескивать внутри и выбрасывать снопы искр чрез отверстие сверху.

-- Почему не входить? -- спросил я наконец. -- Я хотел здесь ночевать. Собаки устали!

-- А разве на Росомашей реке не ходит злой дух? -- с упреком спросил голос.

Действительно, в околотке, откуда я приехал, появилась заразная болезнь вроде гриппа или инфлюэнцы, выражавшаяся довольно разнообразными признаками и успевшая умертвить несколько десятков жертв, но я вовсе не считал это достаточным основанием, чтобы Аканга заперла перед нами дверь, тем более что на всех стойбищах, посещённых до того, мы были желанными гостями, несмотря на злого духа с реки Росомашей.

-- Разве вы думаете, что мы привезли злого духа в складках платья? -- сказал я с некоторым нетерпением. -- Он вольный. Куда захочет, придёт и без нас!..